

ЭО, 2013 г., № 4

© А.Н. Ямсков

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЭКОЛОГИИ**

Ключевые слова: этноэкология, этническая экология, культурная адаптация, этноэкосистема, хозяйственно-культурный тип, история этнологии, история экологии

В статье рассматривается история развития этноэкологии после 1983 г., осуществлявшегося преимущественно силами сотрудников Института этнографии АН СССР – ИЭА РАН, с выделением и краткой характеристикой 3-х основных этапов. Представлен сжатый обзор истории появления и содержания тех областей знания, на основе которых возникла этноэкология: исследования хозяйственно-культурных типов, антропогеоценозов и этноэкосистем, адаптивных функций и компонентного состава культуры, популяционного долгожительства как индикатора успешной адаптации. Сформулированы взгляды автора на возможные задачи и основные понятия этноэкологии и ее место в системе наук.

В последние советские десятилетия Институт этнографии АН СССР ярко выделялся в ряду академических учреждений тем, что многие его сотрудники активно работали в различных направлениях междисциплинарных исследований, зачастую внося решающий вклад в их появление и первоначальное развитие в нашей стране (подробнее см.: *Комарова* 2012: 8–9). Но даже на этом фоне особое место занимает история становления этнической экологии, или этноэкологии. Возникновение и начальные этапы развития этой области знаний происходили практически исключительно благодаря усилиям многих ведущих ученых из ИЭ АН СССР. Более того, появление предшествовавших ей направлений исследований, создавших саму возможность для последующего формирования на их основе этноэкологии, также почти целиком связано с именами известных специалистов из Института этнографии АН СССР. Этноэкология, зародившаяся и в начале развивавшаяся, с организационной точки зрения, в рамках этнографии (этнологии), уже в конце XX в. уверенно вышла за ее пределы, заняв прочное место в ряду эколого-географических дисциплин, будь то учебных предметов в университетах (*Мягков* 2001: 19; *Прохоров* 2008: 7, 11) или же областей исследований (*Рагулина* 2010; *Реймерс* 1994: 16–17; *Туровский* 2001: 89).

В год 80-летия Института этнографии (с 1990 г. – Института этнологии и антропологии) и 30-летия введения в отечественную науку термина “этническая экология” и обоснования ее исследовательских задач и методов (*Козлов* 1983) имеет смысл подробнее рассмотреть, на каком научном фундаменте сложилась этноэкология и кто именно создавал методологические основы будущей этнической экологии, как появилось рассматриваемое нами междисциплинарное научное направление и кто стоял у его истоков, определяя первые задачи и исследовательские приоритеты. Правда, часть ответов на вышеуказанные вопросы дал сам основоположник этого направления, профессор Виктор Иванович Козлов в справочно-обзорной статье (*Козлов* 1988: 93–94) и монографии (*Козлов* 1994: 59–61, 97–112), хотя законченной и однозначной версии там

нет. Ранее мне доводилось уже кратко излагать собственные взгляды на основные вехи истории этнической экологии (Ямсков 2009b: 139–140) и ее понятийно-терминологический аппарат, задачи и методы (Ямсков 2009a: 90–92), так что высказанные тогда положения будут представлены ниже в расширенном виде.

О недавнем прошлом или современном состоянии этноэкологии в Институте этнологии и антропологии РАН можно также узнать из историографических и аналитических обзоров, прямо касающихся этой дисциплины (Дубова 2011; Комарова 2005), а ниже речь пойдет в первую очередь об истории и даже о предыстории данного научного направления. Часть текстов, в том числе ставших классическими, и кратком изложении истории сектора этноэкологии ИЭА РАН представлены на тематическом сайте “Этническая экология”: www.ethnoecology.ru (подробнее о целях создания этого сайта см.: Ямсков, Дубова 2012). Это существенное уточнение, так как я, вероятно, в недостаточной мере отразил вклад в науку коллег по Сектору (кроме В.И. Козлова), ибо десятилетия совместной работы, в том числе в поле, и товарищеские отношения мешают мне быть объективным в этом случае. В конце концов, о научном работнике лучше всего говорят его публикации, так что на нашем сайте каждый желающий может сам оценить труды и роль коллег в разработке этноэкологической тематики.

Интересно также отметить, что в конце советского периода этноэкология воспринималась все еще неоднозначно, если иметь в виду ту часть научного этнографического сообщества, которая прямо не участвовала в ее развитии. Так, некоторые известные специалисты говорили о ней как об уже сформировавшемся и важном в научном плане направлении (Тишков 1988: 3). Однако другие ведущие этнографы в обзорной статье о “советской этнографической школе” про этническую экологию даже не вспомнили, хотя при этом упомянули практически все области междисциплинарных исследований, включая, например, этническую ономастику (Вайнштейн, Крюков 1988: 122–123). Тем не менее отдельная статья об “этнической экологии” в том же самом выпуске “Свода этнографических понятий и терминов” присутствовала (см.: Козлов, 1988).

Как известно, сам термин “этническая экология” и одновременно с ним и как его синоним “этноэкология” были введены в отечественную науку В.И. Козловым в его программной для этого направления статье (Козлов 1983). Но что еще важнее, в ней было также дано определение этой “научной дисциплины”, очерчен круг задач и предложены методы проведения этноэкологических исследований. По мнению В.И. Козлова, этноэкология “...ставит своей задачей изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом в природных и социокультурных условиях их обитания, а также влияния сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем” (Козлов 1983: 8). Впоследствии он практически не изменил это определение, убрав лишь из него “традиции рационального природопользования” и добавив к здоровью еще и “естественное воспроизводство” (Козлов 1994: 65). Первоначальный или, что реже, последующий варианты определения этноэкологии через ее исследовательские задачи получили самое широкое распространение и признание.

И еще одно предварительное уточнение – как и любое научное направление, в особенности междисциплинарное, этноэкология имеет довольно долгую предысторию, или этап формирования областей исследований, предшествовавших ей во времени, но связанных концептуально. Именно понятия, задачи и методы из этих областей знаний стали необходимым условием для рождения этнической экологии, так как послужили фундаментом или важнейшими элементами для создания собственно этноэкологического понятийно-терминологического аппарата и концепций и формулирования исследовательских приоритетов этого нового научного направления. Данная работа написана ради того, чтобы обратить внимание читателя на элементы интеллектуальной

преемственности между собственно этноэкологией и предшествовавшими ей областями исследований. Можно было выбрать и противоположный подход, акцентируя внимание на моментах опровержения или отторжения соперничающих или высказанных ранее положений (пример такого рода, касающийся лишь одного из научных понятий, см.: Ямсков 2009а). Однако и при такой ориентации этой статьи все равно осталось бы главное – очень большая, часто определяющая, хотя и косвенная, роль предшествующих гипотез и концепций, в спорах с которыми или отталкиваясь от которых, рождался концептуальный и понятийно-терминологический аппарат этноэкологии.

Предыстория этнической экологии

Уже в первой статье, обосновывая целесообразность выделения этноэкологии как особой “стыковой” дисциплины и определяя ее задачи, В.И. Козлов отмечал, что к сходным проблемам этнографы обращались или хотя бы частично их затрагивали и прежде (Козлов 1983: 3). Он называет при этом изучение хозяйственно-культурных типов (М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров), исследования по культурной адаптации (С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромлей), разработку концепций антропогеоценоза (В.П. Алексеев) и этноэкосистемы (последний термин ввел И.И. Крупник, о чем пойдет речь ниже), а также изучение феномена популяционного долгожительства под его научным руководством. Собственно, это и есть перечень тех областей или направлений исследований отечественных этнографов и антропологов, из которых впоследствии выросла этноэкология, включив в себя или творчески переработав появившиеся там впервые концепции и понятия. Позднее В.И. Козлов прямо назвал их предшественниками, или “первыми подходами к” этнической экологии (Козлов 1988: 93–94).

Таким образом, предыстория этнической экологии – это разработка таких концепций, как: 1) хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области, 2) культура как способ адаптации этнических сообществ к условиям природной и социальной среды (включая представления о культуре жизнеобеспечения, экофильных и экофобных чертах культуры и т.д.), 3) атропогеоценоз или этноэкосистема (т.е. представления о местных сообществах с традиционной культурой как компонентах единой экосистемы, связанных с другими ее биогическими и абиогическими компонентами прежде всего потоками вещества и энергии, проходящими по пищевым цепям), 4) популяционное долгожительство как индикатор успешности адаптации местного сообщества к природным и социальным условиям (и шире – представления о медико-демографических показателях как оптимальных индикаторах степени адаптации или дезадаптации населения к сложившимся условиям жизни). До того, как перейти к истории собственно этнической экологии, стоит вкратце рассмотреть, когда и как сформировались эти области исследований и, главное, что именно они дали этноэкологии.

Концепция хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей во многом близка концепции или методологии “культурной экологии” Дж. Стюарда, с которой обычно отсчитывается появление американской экологической антропологии (Ямсков 2011: 42–44). Они не только получили окончательное оформление в публикациях в один и тот же 1955 год, но и схожи по сути – элементы культуры, по которым определяется ее вхождение в тот или иной хозяйственно-культурный тип (ХКТ), вполне аналогичны “культурному ядру” Стюарда, тогда как явления, позволяющие отнести эту же культуру к какой-либо историко-культурной области (ИКО), практически точно соответствуют “вторичным” или периферийным элементам культуры, по Дж. Стюарду (Steward 1955: 37).

Иными словами, через концепцию ХКТ раскрывается культурная дифференциация человечества, являющаяся следствием неоднородности земной поверхности по природным условиям и обеспеченности природными ресурсами, что приводит к различным результатам культурной адаптации в сфере хозяйства, пищи, одежды и жи-

лица и т.п., то есть к появлению разных ХКТ. Концепция ИКО отражает культурную дифференциацию человечества, являющуюся следствием вариаций в пространственно-временных условиях взаимодействия между отдельными народами, то есть различий в их пространственной близости друг к другу и в длительности культурных контактов между ними. Эти различия приводят как к возникновению достаточно мощного общего пласта культуры, в основном в соционормативной и гуманитарной сферах, в границах одной ИКО, так и к почти полному отсутствию общих культурных явлений у народов из различных, особенно пространственно отдаленных ИКО.

В трактовке, очень близкой к современной, понятие ХКТ впервые появилось в 1947 г. (*Левин* 1947), а в 1955 г. окончательное оформление получили взаимодополняющие понятия ХКТ и ИКО, хотя последняя первоначально чаще именовалась “историко-этнографической областью” (*Левин, Чебоксаров* 1955). По сложившейся традиции, прообраз понятия ХКТ обычно находят у С.П. Толстова (*Толстов* 1932: 31–33; подробнее о предшествующих понятиях и концепциях см.: *Андрианов, Чебоксаров* 1972: 4–6). Но как минимум не менее существенный вклад внес В.Г. Богораз-Тан, который еще в конце 1920-х гг. выделял “этногеографические зоны”, фактически аналогичные ареалам распространения ХКТ, и в них – отдельные “типы культуры” или “формы культуры”, весьма близкие по содержанию к ХКТ (*Богораз-Тан* 1928: 122). В тундрах, лесотундрах и на северной границе тайги Евразии, например, он отмечал “сухопутных охотников” на окраинах тайги, “речных рыболовов” в устьях больших рек, “оленоводов” в тундре и лесотундре и “охотников за морским зверем” на побережьях морей и островах (Там же: 122–123). Это фактически полностью соответствует ХКТ данных территорий, если, конечно, отвлечься от терминологии (см., например: *Андрианов* 1985: карта на форзаце).

Собственно, уже при своем возникновении понятие ХКТ имело заметное экологическое содержание, хотя в первую очередь выступало как классификационная и, надо признать, не очень строгая категория. Но по мере того, как идеи экологии проникали в советское общество и в науку, “экологизировалось” и оно (см., например: *Андрианов, Чебоксаров* 1972: 8–9), становясь все более приемлемым для этноэкологических исследований.

Однако решающий перелом в этом плане произошел благодаря усилиям В.П. Алексеева, который, по сути, радикально пересмотрел содержание этого понятия, превратив его в классификационную категорию для отображения существенных характеристик однородных антропогеоценозов (Алексеев 1984: 376, 383). Опираясь на эти мысли В.П. Алексеева и логически продолжая их, но заменив его термин “антропогеоценоз” на “этноэкосистему”, можно прийти к следующим выводам. Территория распространения определенного ХКТ складывается из освоенных территорий однотипных этноэкосистем, хозяйственно-культурное своеобразие ХКТ – это обобщение своеобразия адаптивных функций культуры хозяйственных коллективов (общин) из однотипных этноэкосистем, а носители ХКТ – совокупность членов хозяйственных коллективов, входящих в однотипные этноэкосистемы. Впрочем, это переосмысление понятия ХКТ и его превращение в один из элементов понятийно-терминологического аппарата этноэкологии произошло уже после оформления последней в качестве отдельного научного направления.

Концепция ХКТ и ИКО – одно из важнейших теоретических достижений советской этнографии. Например, в зарубежной этнологии или культурной антропологии таких детальных и обоснованных классификаций не было создано. Хотя там в итоге тоже пришли к сходным выводам, группируя в учебниках традиционные культуры в определенные “системы обеспечения средствами существования” (subsistence systems) типа кочевого скотоводства или подсечно-огневого земледелия (см., например: *Netting* 1986), что по сути копирует ХКТ. Попытка же учесть все или по возможности большинство компонентов культуры в единой классификационной схеме,

представленная исследованиями американской школы “культурных ареалов” (culture area) первой половины – середины XX в., успеха не принесла (см. подробнее: *Чеснов* 1976). Ведь при этом игнорировался факт принципиальной неоднородности любой культуры, лишь часть элементов которой выполняет функции адаптации к условиям и ресурсам природной среды и потому в своем географическом распространении зависит от последних. Появление культурной экологии Дж. Стюарда преодолело эту ошибочную методiku, но последователи Стюарда и других направлений экологической антропологии, как правило, принципиально не интересовались вопросами классификации и типологии культур, ориентируясь прежде всего на конкретные исследования отдельных сообществ.

Концепция культуры как механизма и результата внебиологической групповой **адаптации** к условиям окружающей среды, являющаяся методологической основой этноэкологии, появилась в советской науке во многом благодаря философу и культурологу из Еревана Э.С. Маркаряну. Начав, по его словам, в 1969 г. определять культуру как способ организации человеческой деятельности, он к 1978 г. сформулировал положение, что ведущей функцией культуры является адаптивная (*Маркарян* 1983: 17, 35). Особую роль в выявлении и популяризации в этнографическом сообществе экологически значимых функций культуры сыграли масштабные полевые исследования 1976 и 1978 гг. в Армении. Они проводились армянскими философами-культурологами и этнографами при активном участии и под руководством Э.С. Маркаряна и С.А. Арутюнова и завершились публикацией коллективной монографии (Культура жизнеобеспечения 1983), сыгравшей весомую роль в развитии теории этнографии в целом и этноэкологии в частности. Член этого творческого коллектива Ю.И. Мкртумян сформулировал также методологически важное предложение разделять многообразие элементов культуры по их функциям в организации жизни общества на культуру первичного производства, жизнеобеспечения, соционормативную и гуманитарную (*Мкртумян* 1978: 44).

Правда, ровно за полвека до него близкий взгляд на компонентный состав культуры высказал В.Г. Богораз-Тан. Как он отмечал, можно выделять “культуру материальную” (“пища, жилище, одежда”; “промыслы”, или отрасли хозяйства; “разнообразные орудия” труда и производства), “духовную культуру” (религия, искусство, язык), “социальную культуру” (*Богораз-Тан* 1928: 45, 47, 49–50). По сути, это те же самые компоненты культуры, и хотя “жизнеобеспечение” и “первичное производство” у Богораз-Тана объединены, он четко указывает на их внутреннюю дифференциацию. К сожалению, эти идеи В.Г. Богораз-Тана не получили развития и были, по существу, незаслуженно забыты.

С.А. Арутюнов, полностью разделяя и продолжая развивать положения о компонентной структуре культуры и ее приоритетных адаптивных функциях, разработал, в частности, два важнейших для этноэкологии сюжета – о составе “культуры жизнеобеспечения” и ее роли в процессах адаптации к условиям среды обитания (*Арутюнов, Мелконян* 1983; подробнее см.: *Арутюнов* 1989а) и о возможности выделения “экофильных” и “экофобных” явлений культуры по их влиянию на экологические последствия деятельности людей (*Арутюнов* 1980; подробнее см.: *Арутюнов* 1989б: 240–241). В.И. Козлов, формулируя свои представления об этноэкологии, ее приоритетных задачах и основных понятиях, полностью принял второе из предложений С.А. Арутюнова, но резко критически отнесся к первому, и во многом именно в ходе полемики с ним разработал собственное понимание “жизнеобеспечения” (*Козлов* 1983: 12–13, 14; см. подробнее: *Козлов* 1994: 61, 77–80; см. также об этом: *Ямсков* 2009а).

Концепция этноэкосистемы появилась в диссертации И.И. Крупника (*Крупник* 1977: 4–5) и, как он отмечал, оказалась прямым продолжением идей В.П. Алексеева об антропогеоценозе (*Алексеев* 1975). В.П. Алексеев трактовал антропогеоценоз как

систему, структурными компонентами которой являются “хозяйственный коллектив, его производственная деятельность, эксплуатируемая территория” (Алексеев 1975: 20; подробнее см.: Алексеев, 1984). При этом ведущими характеристиками хозяйственного коллектива являются численность и демографическая структура, а производственная деятельность описывается через знания и навыки его членов, их орудия и производительность труда. В.П. Алексеев не дал описания эксплуатируемой территории. Но так как указанные им компоненты “объединены функциональными связями – информационным полем, энергетическими импульсами, пищевыми и производственно-хозяйственными цепями” (Алексеев 1975: 23), то речь может идти об участке физико-географической среды с определенными природными условиями и ресурсами – источниками сырья для производства пищи, топлива и элементов материальной культуры (жилищ, одежды, орудий труда и т.п.). И.И. Крупник, дополнив данную модель и видоизменив терминологию, в качестве компонентов этноэкосистемы назвал “хозяйственный коллектив, освоенную территорию, популяции домашних животных, хозяйственно-бытовой инвентарь” (Крупник 1989: 24–25). Основное внимание он уделил анализу вещественно-энергетических связей изучаемого сообщества со средой, проявляющихся в форме пищевых цепей, и изучению хозяйственной деятельности, обеспечивающей функционирование этих пищевых цепей. Кстати, можно предложить и более детальный вариант структуры этноэкосистемы, определяющей возможные задачи изучения последней (Ямсков 2009б: 134–136).

Предложенная В.П. Алексеевым концепция “антропогеоценоза” сыграла ведущую роль в проникновении экосистемного подхода в отечественные этнологические исследования и тем самым была важнейшей вехой на пути к возникновению этноэкологии с ее задачей “изучения ... закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем” (Козлов 1983: 8). Кстати говоря, в начале – середине 1970-х гг. появилась целая серия понятий такого рода: антропобиогеоценоз В.П. Казначеева, санэкосистема Б.Б. Прохорова, демэкосистема Е.И. Игнатьева, демоэкологическая система В.С. Преображенского и Т.Д. Александрова, антропоэкосистема Е.Л. Райх (Райх 1984: 28). В наши дни всеупотребительным и самым общим по смыслу стало последнее из них, и структура антропоэкосистемы ныне детально описана (Прохоров 1998: 7–22). Этноэкосистема – частный случай антропоэкосистемы, она имеет вполне определенный масштаб (ее территориальные границы определяются землепользованием конкретного местного сообщества) и может в полной мере применяться лишь при анализе доиндустриальных обществ, основанных на традиционных или близких к ним системах природопользования.

Отказ от предложенного В.П. Алексеевым термина “антропогеоценоз” в пользу “этноэкосистемы”, появившейся в работах И.И. Крупника, был связан, видимо, со следующими обстоятельствами (см. также: Ямсков 2009б: 132–134). Во-первых, об “этноэкологических системах” писал, ссылаясь на ранние работы И.И. Крупника, академик Ю.В. Бромлей, возглавлявший тогда Институт этнографии АН СССР (Бромлей 1981: 254), и его авторитет и статус сделали свое дело. Во-вторых, большую роль в этом сыграла основополагающая статья В.И. Козлова, зафиксировавшая задачу изучения именно “этноэкосистем” (Козлов 1983: 8).

Между прочим, в советской этнографии первые идеи о человеческом сообществе как о части экосистемы, связанной с другими ее частями потоками вещества и энергии, появились гораздо раньше, в трудах Л.Н. Гумилева, писавшего так о “биоценозе” (Гумилев 1967). Позже он представил и полное описание структуры “антропоценоза”: люди, их культура – материальная и духовная, домашние животные, культурные растения (Гумилев 1971). Однако похоже, что из-за практически единодушного неприятия советскими этнографами идей Гумилева об этногенезе, пассионарности, этнической комплиментарности и т.п. эта весьма ценная в научном отношении часть его творчества была проигнорирована.

Исследования популяционного долгожительства у абхазов в 1978–1983 гг., научное руководство которыми осуществлял В.И. Козлов (Абхазское долгожительство 1987), позволило ему и его последователям, во-первых, осознать важность различных медико-демографических показателей локальной группы населения, а не только индекса группового долгожительства, в качестве убедительных индикаторов (не)успешности ее адаптации к природно-климатическим и социальным, в широком смысле слова, условиям жизни, а также выработать методы их определения или расчета. Позднее об этом как о демографических аспектах адаптации писала его коллега О.Д. Комарова, а также ученики, занимавшиеся вопросами этнологической или социально-этнологической экспертизы (В.В. Степанов, А.Н. Ямсков). Во-вторых, что главное, именно в ходе этого исследования сам В.И. Козлов начал разрабатывать свои представления о “жизнеобеспечении” или “системе жизнеобеспечения”. Затем они легли в основу его понимания этноэкологии как дисциплины, призванной изучать прежде всего жизнеобеспечение (см. подробнее: Ямсков 2009а: 84–87). В-третьих, отсюда же появляется идея В.И. Козлова о комплексном характере адаптации к среде обитания, то есть о желательности изучения по возможности всех жизнеобеспечивающих функций культуры исследуемой группы населения и анализа биологических, медико-демографических и психологических аспектов ее адаптации. Позднее этот подход получил свое отражение в структуре теоретической части первого в стране тематического сборника по этноэкологии (Этническая экология 1991).

Первые этапы развития этноэкологии

Думаю, трудно не согласиться с тем, что новое научное направление развивается лишь тогда, когда возникает обозначающий его термин и появляется развернутое обоснование исследовательских задач и методов. Поэтому отсчет существования отечественной этноэкологии следует вести с 1983 г., когда была опубликована соответствующая статья В.И. Козлова (Козлов 1983). Подобный вывод прямо следует и из его справочно-обзорной статьи (Козлов 1988). Правда, впоследствии, учитывая долгую и богатую предысторию этого направления и высоко ценя вклад в науку своих коллег и предшественников, В.И. Козлов в докладе на Научной сессии, посвященной памяти академика Ю.В. Бромлея (Институт этнологии и антропологии РАН, 27 февраля 2001 г.), обозначил в качестве начала собственно этноэкологических исследований в нашей стране появление статей С.А. Арутюнова (Арутюнов 1980) и Ю.В. Бромлея (Бромлей 1981: 245–256). Но с этим, однако, вряд ли можно согласиться – это был лишь один из этапов предыстории этнической экологии, и отнюдь не более важный, чем разработка концепции хозяйственно-культурных типов или антропогеоценоза (этноэкосистемы).

Итак, на первом этапе своего развития этноэкология 1980-х гг. была фактически ограничена коллективом Института этнографии АН СССР, и принципиально важными событиями в стенах этого учреждения стали следующие.

Сектор этноэкологии издал тематический сборник (Этническая экология 1991), впервые в СССР специально посвященный проблематике этнической экологии. Особенно важно то, что в нем нашли свое отражение уже детально проработанная к этому времени В.И. Козловым концепция жизнеобеспечения (Козлов 1991), а также серия имеющих серьезную теоретическую составляющую статей его коллег по основным аспектам адаптации – демографическим (Комарова 1991), биологическим (Дубова 1991) и психологическим (Лебедева 1991). Время показало, что этот сборник нашел своего читателя: он упоминается теперь в большинстве учебных программ или масштабных исследований по этноэкологии.

Очень большое научное значение для данной области исследований имела монография И.И. Крупника, в которой он, кстати, полностью принял определение эт-

ноэкологии, данное В.И. Козловым (*Крупник* 1989: 11). Правда, основная пионерная работа И.И. Крупника по моделированию этноэкосистем и количественному расчету потоков энергии и вещества, связывающих сообщество людей с биотой освоенной ими территории, то есть его диссертация, появилась гораздо раньше (*Крупник* 1977). Однако выход в свет обобщающей монографии И.И. Крупника под названием “Арктическая этноэкология” (*Крупник* 1989) весьма способствовал укреплению позиций этого научного направления, и прежде всего среди исследователей этнографии народов Севера и Сибири. Кроме того, именно эта монография представила концепцию этноэкосистемы И.И. Крупника широкому кругу читателей, так как мало кто смог с нею познакомиться по тексту автореферата (*Крупник* 1977: 4–5) или его кандидатской диссертации.

Не менее важную роль для дальнейшего развития этноэкологии сыграла также монография С.А. Арутюнова, в которой он обобщил свои идеи о культуре жизнеобеспечения (*Арутюнов* 1989а) и общих вопросах культурной адаптации (*Арутюнов* 1989б). Столь же существенный вклад сделал и В.П. Алексеев, значительно расширивший и доработавший концепцию антропогеоценоза во взаимосвязи с концепцией хозяйственно-культурного типа и общими положениями об исторической эволюции хозяйства и общества (*Алексеев* 1984). То, что оба этих выдающихся ученых избегали употреблять сам термин “этноэкология”, ничуть не умаляет их большого вклада в ее развитие и отражает лишь терминологические вкусы.

Пожалуй, самая удивительная черта этого первого этапа развития этноэкологии заключается в том, что, будучи ограничена рамками не столь уж большого по численности сотрудников Института этнографии АН СССР, она, тем не менее, формировалась в ходе острых научных дискуссий и явного соперничества лидеров этого направления. Прежде всего в вышеназванных статьях, главах и книгах речь идет о полемике по поводу содержания понятия “жизнеобеспечение” между С.А. Арутюновым, В.И. Козловым и И.И. Крупником (подробнее об этом см.: *Ямсков* 2009а). Также явно отличались друг от друга представления И.И. Крупника об этноэкосистеме и В.П. Алексеева об антропогеоценозе (подробнее об этом см.: *Ямсков* 2009б).

Вероятно, этот период можно считать окончившимся ко времени выхода монографии В.И. Козлова (*Козлов* 1994), где он окончательно оформил свои взгляды на содержание и задачи этноэкологии, а также завершает дискуссии с С.А. Арутюновым и И.И. Крупником по поводу базового для него понятия жизнеобеспечения. Вместе с тем в ИЭА РАН завершается и формирование основанной В.И. Козловым особой научной школы в области этноэкологии, преимущественно на основе коллектива группы этнической экологии.

С середины 1990-х гг. начинается следующий важный этап в развитии этнической экологии, ознаменовавшийся ее выходом за пределы ИЭА РАН, а также новыми принципиально важными исследованиями сотрудников Института. Так, в ИЭА РАН закончил свое диссертационное исследование приехавший из Казахстана докторант Н.Э. Масанов, впоследствии возвратившийся домой. Его консультантами были С.А. Арутюнов и В.И. Козлов. Он опубликовал монографию (*Масанов* 1995), которая по своему влиянию на исследования этнографии и истории кочевников степной зоны Евразии и по стимулированию распространения в них этноэкологических подходов вполне сопоставима с тем, что сделал И.И. Крупник в этнографии Севера и Сибири. Хотя Н.Э. Масанов почти все фактические материалы привез с собой в Москву, в ИЭА РАН он самым активным образом ознакомился с положениями этноэкологии и широко отразил их в своем труде, сделав по сути одной из методологических основ этой книги.

Весьма значимый вклад в развитие этноэкологии в этот период внес В.В. Степанов, совместно с коллегами из группы этноэкологии подготовивший коллективную монографию по этноэкологической экспертизе (*Методы этноэкологической* 1999).

В этой книге, получившей признание специалистов, его перу принадлежит почти половина текста и в том числе принципиально важная теоретическая глава (*Степанов* 1999; несколько иной подход к этой теме см.: *Ямсков* 2006б). Сотрудники группы этноэкологии издали также коллективную (*Русские старожилы* 1995) и авторскую (*Григулевич* 1996) монографии, тем самым завершив публикацию серии из пяти книг по итогам исследований во второй половине 1980-х гг. адаптации русских переселенцев середины XIX в. (крестьян – молокан, духоборцев, субботников) в Азербайджане, Грузии и Армении. Но в основном эти издания о русских в Закавказье представляют интерес с точки зрения собранных в поле и представленных фактов, а не теоретических обобщений.

Отдельно необходимо упомянуть серию публикаций Г.А. Комаровой, очень интересных с фактологической и теоретической точек зрения. Она изучала разницу в реакциях отдельных групп полиэтничного (русские, башкиры, татары) сельского населения долины реки Теча на факт радиационного загрязнения этой реки (точнее – речного ила), детерминированных различиями в их бытовой современной культуре и религиозности. Ее статьи выходили с середины 1990-х гг. и завершились итоговой монографией (*Комарова* 2002).

В этот же период начинается активное использование этноэкологических подходов в исследованиях народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, но для их обзора потребовалось бы отдельное масштабное исследование, тем более что такого рода работы активно продолжались и в 2000-е гг., да и авторами их становились далеко не только сотрудники ИЭА РАН.

Но все же на этом этапе важнейшие изменения в положении этноэкологии происходят уже вне стен ИЭА РАН. Во-первых, этноэкологию начинают включать в свои теоретические разработки, касающиеся структуры или состава экологических знаний, многие специалисты естественнонаучного профиля, преимущественно биологи и географы, переходившие к исследованиям или преподаванию в области экологии, активно развивавшимся в тот период. Во-вторых, и это главное, в мае 1995 г. происходит институализация этноэкологии как составной части учебной дисциплины – “социальной экологии и этноэкологии” – в рамках государственного образовательного стандарта (ГОС) по специальности “Экология” (квалификация “Учитель экологии”). В ноябре 2000 г. в дополнение к ГОС появляется расширенный вариант, то есть примерная программа этой же дисциплины, но уже в рамках естественнонаучного образования по профилю “Экология” и тоже при подготовке учителей. К сожалению, в середине 2000-х гг. подготовка учителей-экологов была свернута и эти ГОС и примерная программа – отменены. Но благодаря им автор этих строк, например, читает данный курс с 1997 г. в Московском городском педагогическом университете (*Ямсков* 2006а), в последние годы – как дисциплину, предлагаемую в рамках курсов кафедры физической географии и геоэкологии. Несомненно, многие другие педагогические университеты тоже сохранили эту дисциплину в рамках резерва учебных курсов, разрабатываемых и предлагаемых по инициативе кафедр или факультетов.

Наконец, последний на данный момент и продолжающийся поныне этап в развитии этноэкологии начинается в первой половине 2000-х гг. В ИЭА РАН по-прежнему используются этноэкологические подходы во многих исследованиях по народам Сибири и Севера, в том числе появляются примеры проведенных этнологических экспертиз с очень сильной этноэкологической составляющей (например: *Звиденная, Новикова* 2010). Группа (сектор) этноэкологии выпустила восемь тематических сборников (подробнее см. на сайте “Этническая экология”: www.ethnoecology.ru), в том числе в составе начатой в 2009 г. серии “Этнос и среда обитания”. Этноэкологические сюжеты становятся обычными и в работах других исследователей, работающих в академических и университетских центрах этнологического профиля по всей стране, и уже отнюдь не только тех, кто специализируется по этнографии Сибири и Севера.

Не менее активны в сфере этноэкологии теперь экологи и географы, часто включающие соответствующие тематические разделы в свои публикации, а так как их в численном отношении в России намного больше этнологов, то центр тяжести этноэкологических исследований по сути начинает постепенно смещаться из этнологии в эти дисциплины.

Но наиболее яркой чертой этого периода является относительно массовое появление в университетах страны специализированных курсов по этноэкологии или же включение этноэкологической проблематики либо соответствующих тематических разделов в дисциплины эколого-географического плана. В качестве примеров такого рода можно назвать курсы, читаемые в МГУ этнологам (*Ларина 2007*) или географам и геоэкологам (*Алексеева 2010*), либо в Ставропольском государственном университете – географам и экологам (специальность “природопользование”) (*Этноэкология 2010*). При самом поверхностном просмотре Интернета мне удалось обнаружить сведения о почти дюжине университетов, в которых читаются отдельные курсы по этноэкологии или сохранилась дисциплина “социальная экология и этноэкология” (наряду с Москвой и Ставрополем это также Мурманск, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Уфа, Кызыл, Кемерово, Иркутск, Якутск, Чита), а ведь пока далеко не все учебные учреждения или преподаватели размещают в Интернете свои программы, особенно неопубликованные.

Еще одна важная новация последнего десятилетия – появление, особенно в городах и селах Поволжья, краеведческих центров для школьников, в которых важной, а то и приоритетной тематикой стала этноэкологическая (см., например: *Волкова и др. 2011*). И хотя школьное образование и педагогика лежат все же за пределами академической и университетской науки, эта тенденция тоже заслуживает быть отмеченной, так как подчеркивает популярность и широкое распространение этноэкологии в наши дни.

В целом можно заключить, что если какое-то научное направление проникло в университеты в качестве учебной дисциплины, то это можно считать самым убедительным доводом в пользу его реальной востребованности обществом и хороших перспектив дальнейшего развития. К этноэкологии сказанное относится в полной мере.

* * *

В год 30-летия появления термина “этноэкология” и обоснования ее исследовательских задач (*Козлов 1983*) попробуем максимально обобщенно сформулировать возможную трактовку этой междисциплинарной области знаний, или научного направления и учебной дисциплины, с учетом накопленных в науке за этот внушительный отрезок времени достижений и новаций (см. также: *Ямсков 2006а: 114; Ямсков 2009а: 90–91*).

В рамках общей экологии, или области экологических знаний, выделяется, наряду с биоэкологией и геоэкологией, также антропоэкология, посвященная изучению взаимодействия человека и общества с окружающей средой, то есть с ее биотическими, абиотическими и другими социальными компонентами. В свою очередь, антропоэкологию можно разделить на экологию человека, решающую те же задачи, что аутоэкология и популяционная экология в составе биоэкологии, и социальную экологию, которая по своим исследовательским целям является аналогом синэкологии, то есть подхода, ориентированного на изучение экосистем, в биоэкологии. Вообще говоря, учитывая социально-культурную специфику человеческих обществ и вместе с тем факт существования биологического вида *Homo sapiens*, разделение на биоэкологию и антропоэкологию является общепринятым, вот только терминологически оно еще не устоялось. В подобном понимании антропоэкологию многие наши экологи предпочи-

тают именовать экологией человека, считая социальную экологию ее частью (Прохоров 2008: 3, 7–8), а некоторые, напротив, вместо антропоэкологии используют в качестве обобщающего термин “социальная экология”, выделяя в ее составе экологию человека (см. об этом: Прохоров 2008: 8). Как бы то ни было, этноэкология при этом понимается как часть социальной экологии либо как особое направление в рамках антропоэкологии, наиболее тесно связанное с социальной экологией.

Вероятно, можно считать, что социальная экология – это область междисциплинарного изучения экосистем с включенными в них и служащими фокусом исследовательского интереса человеческими обществами, то есть антропоэкосистем. Иными словами, ее предметом являются экологические связи между сообществом и другими компонентами экосистемы. Эта область знаний подразделяется на собственно социальную экологию “современных” (индустриальных и постиндустриальных) обществ и на этническую экологию доиндустриальных (докапиталистических), или “традиционных” и близких к ним обществ. Первая рассматривает экологическую специфику урбанизированной части современного человечества, в которой само общество как субъект взаимодействия с окружающей средой глубоко дифференцировано на многочисленные и имеющие различные потребности и интересы социальные группы, организации и институты. В таком обществе для каждого из составляющих его социальных объединений процессы взаимодействия с окружающей средой имеют фактически глобальный характер, распространяясь на всю биосферу Земли и определяясь в первую очередь социально-экономическим положением и властными возможностями членов этих объединений.

Вторая же социально-экологическая субдисциплина, то есть этническая экология, специализируется на анализе взаимодействия с природной средой различных “традиционных” и близких к ним сообществ земледельцев, скотоводов, рыболовов, охотников и собирателей. Субъектами этого взаимодействия выступают общины или местные сообщества, то есть тяготеющие к самообеспечению средствами существования группы сельского населения с достаточно гомогенной культурой, которая обычно имеет в подобных доиндустриальных обществах выраженную этническую специфику. Эти общины полностью или почти полностью зависят от возобновимых природных ресурсов освоенных и контролируемых ими территорий. Естественно, изучение взаимодействий с природной средой таких местных сообществ требует применения иных концепций и понятий, чем в случае анализа связей с окружающей средой индустриально развитых и огромных по численности населения социумов, но исследовательские задачи и общие научно-методологические подходы в обоих случаях остаются одинаковыми.

Представляется, что ключевые понятия этнической экологии – адаптация и этноэкосистема (частный случай антропоэкосистемы). Основными задачами этноэкологического исследования являются изучение процессов и результатов культурной адаптации конкретного местного сообщества или особенностей функционирования включающей такое сообщество этноэкосистемы. Достигнутый изучаемым сообществом уровень адаптации, или адаптированность к условиям среды обитания, определяется по состоянию здоровья и демографическим особенностям этой группы населения. Задачи изучения культурной адаптации и функционирования этноэкосистемы в действительности тесно взаимосвязаны, так как сам факт достаточно длительного, то есть устойчивого существования определенной этноэкосистемы с входящим в ее состав сообществом людей доказывает их в целом успешную адаптацию.

Концепция устойчивого развития составляет одно из важнейших теоретических оснований этноэкологии, наряду с концепциями адаптации и этноэкосистемы (Ямсков 2006б: 31–39). Именно из нее вытекают представления о медико-демографических и иных количественных индикаторах устойчивого функционирования этноэкосистемы,

то есть успешной адаптации соответствующей группы населения к физико-географическим и социально-культурным условиям окружающей среды.

Адаптация человека, как известно, является комплексным процессом, в котором биологические и культурные (иногда называемые социо-культурными) составляющие взаимосвязаны в единое целое. Однако в исследовательских целях их приходится разделять, и в этноэкологических работах требуется фокусировать внимание именно на культурной составляющей адаптации, но также принимать во внимание и важнейшие биологические аспекты этого процесса в изучаемой группе населения.

В идеале изучение этноэкосистемы предполагает моделирование и количественный анализ потоков вещества, энергии и информации, проходящих по пищевым цепям и иным каналам вещественно-энергетических и информационных связей между ее основными компонентами, в первую очередь между человеческим сообществом и другими компонентами этноэкосистемы. Но возможен также и упрощенный вариант анализа отдельной этноэкосистемы или сопоставления этноэкосистем разных типов друг с другом, когда внимание исследователя обращено лишь на их качественные характеристики, такие как структура, сезонные вариации вещественно-энергетических связей между основными компонентами, особенности функционирования отдельных компонентов, и т.д. (см. подробнее: *Ямсков 2009б*: 134–136).

Исследования культурной адаптации проводятся на основе представлений о традиционной культуре как единой системе, в составе которой в аналитических целях могут быть выделены такие основные подсистемы (или компоненты), как культура природопользования и расселения (близка по содержанию “первичному производству”), культура материального жизнеобеспечения (пища – одежда – жилище), соционормативная культура и гуманитарная культура. Объектом такого исследования может быть любой из этих компонентов культуры или даже его отдельная составляющая, а предметом – адаптивные функции анализируемой части культуры либо отражение в последней природных условий освоенной территории или адаптации к ним (*Ямсков 2006а*: 118). Изучение адаптивных функций культуры в сущности означает то же самое, что и исследование ее жизнеобеспечивающих функций, или “жизнеобеспечения” по В.И. Козлову (*Козлов 1991*), но, правда, без особого акцента на психологические аспекты последнего.

Важными понятиями этнической экологии являются также “экологическая ниша” и частично перекрывающийся с ней по содержанию, но далеко не совпадающий “хозяйственно-культурный тип”. Их изучение тоже может быть обоснованно отнесено к сфере этноэкологических исследований, равно как и фиксация и анализ экологических знаний местного сообщества.

В целом отечественная этноэкология является аналогом широко распространенной в англоязычной науке экологической антропологии или культурной экологии, демонстрируя в ряде случаев прямые параллели в истории развития исследовательских методов и задач (подробнее см.: *Ямсков 2011*).

* * *

Резюмируя сказанное выше, попробуем схематично определить основные этапы развития этноэкологии и их отличительные черты.

1. Предыстория (1950-е – 1970-е гг.): исследования хозяйственно-культурных типов, общих вопросов культурной адаптации, разработка концепции этноэкосистемы (антропогеоценоза), изучение популяционного долгожительства как индикатора успешной адаптации.

2. Первый, или этнографический, этап (1980-е – начало 1990-х гг.) – обоснование этноэкологии как особой дисциплины или направления с введением в науку соответс-

твующего термина (Козлов 1983), ее институализация в виде сектора этноэкологии (1981 г.) и дальнейшее развитие в рамках Института этнографии АН СССР – Института этнологии и антропологии РАН (исследования В.И. Козлова, И.И. Крупника, С.А. Арутюнова, В.П. Алексеева, сотрудников сектора этноэкологии и ряда других подразделений института).

3. Второй, или междисциплинарный этап (середина 1990-х – начало 2000-х гг.) – усиление междисциплинарного аспекта этноэкологических исследований и подключение к ним специалистов естественнонаучного профиля (экологов и географов), институализация в виде составной части обязательной учебной дисциплины “социальная экология и этноэкология” при подготовке учителей экологии (1995 г.), продолжение разработки этноэкологической проблематики в ИЭА РАН (исследования Н.Э. Масанова, В.В. Степанова, Г.А. Комаровой, сотрудников группы этноэкологии – Н.А. Дубовой, Н.И. Григулевич, Н.А. Лопуленко, А.Н. Ямскова, а также других подразделений института, в особенности специализирующихся на изучении коренных народов Севера и Сибири).

4. Третий, или университетский, этап (с первой половины 2000-х гг.) – распространение этноэкологии как отдельной университетской дисциплины, изучаемой будущими этнологами, экологами, географами; появление формальных и неформальных групп и центров по школьной педагогике и краеведению, специализирующихся на этноэкологической тематике либо включающих ее в свои учебные программы; развертывание этноэкологических исследований в академических институтах и на факультетах эколого-географического профиля; продолжение разработки этноэкологической проблематики в ИЭА РАН и в других институтах и на кафедрах университетов со специализацией по этнологии (социально-культурной антропологии).

Таким образом, этническая экология, созданная ведущими учеными Института этнографии АН СССР, за сравнительно недолгое время прочно утвердилась в качестве области междисциплинарных исследований и учебной дисциплины в нашей стране. Поэтому ее будущее представляется вполне благополучным. Правда, такое широкое распространение этноэкологии среди представителей разных научных дисциплин, получивших существенно различающуюся профессиональную подготовку, имеет и оборотную сторону – среди них неизбежно возникают разногласия по поводу понятийно-терминологического аппарата, приоритетных исследовательских задач и методов. Впрочем, это – признаки “болезни роста”, а значит, данное научное направление действительно растет и развивается, в том числе и благодаря усилиям многих специалистов, работающих в ИЭА РАН в наши дни.

Литература

- Абхазское долгожительство 1987 – Абхазское долгожительство / Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1987.
- Алексеев 1975 – Алексеев В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. С. 18–23.
- Алексеев 1984 – Алексеев В.П. Природа и культура // Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. С. 374–444.
- Алексеева 2010 – Алексеева Н.Н. Этнокультурные аспекты геоэкологии // Вестник МГУ. Серия 5 (География). 2010. № 3. С. 6–10.
- Андреанов, Чебоксаров 1972 – Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Сов. этнография (далее – СЭ). 1972. № 2. С. 3–16.
- Андреанов 1985 – Андреанов Б.В. Глава 1. Хозяйственно-культурные типы и географическая среда // Андреанов Б.В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 17–40.
- Арутюнов 1980 – Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1980. № 12. С. 92–98.

- Арутюнов, Мелконян* 1983 – *Арутюнов С.А., Мелконян Л.* Культура жизнеобеспечения в этнических системах // *Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры)* / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: изд. АН АрмССР, 1983. С. 53–60.
- Арутюнов* 1989а – *Арутюнов С.А.* Культура жизнеобеспечения и ее место в культурной динамике этноса // *Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие*. М.: Наука, 1989. С. 200–229.
- Арутюнов* 1989б – *Арутюнов С.А.* Экологические аспекты этнокультурологических проблем (вместо заключения) // *Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие*. М.: Наука, 1989. С. 230–244.
- Богораз-Тан* 1928 – *Богораз-Тан В.Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.
- Бромлей* 1981 – *Бромлей Ю.В.* Этнические аспекты экологии человечества // *Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории*. М.: Наука, 1981. С. 245–256.
- Вайнштейн, Крюков* 1988 – *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Советская этнографическая школа // *Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы* / Отв. ред. М.В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988. С. 114–124.
- Волкова и др.* 2011 – *Волкова Л.И., Болдырева С.Ю., Павлова Н.П., Новосадова Т.И.* Школа этноэкологического проектирования // *Исследовательская работа школьников*. 2011. № 2. С. 88–98.
- Григулевич* 1996 – *Григулевич Н.И.* Этническая экология питания: традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 164.
- Гумилев* 1967 – *Гумилев Л.Н.* Об антропогенном факторе ландшафтообразования // *Вестник Ленинградского ун-та*, Вып. 4. 1967. № 24. С. 102–112. Электронный ресурс “Жизнь и творческое наследие Л.Н. Гумилева”: [<http://levgumilev.spbu.ru/suita7>].
- Гумилев* 1971 – *Гумилев Л.Н.* Сущность этнической целостности // *Вестник Ленинградского ун-та*. Вып. 4: Геология, география. 1971. Т. 12. С. 97–106. Электронный ресурс “Жизнь и творческое наследие Л.Н. Гумилева”: [<http://levgumilev.spbu.ru/suita12>].
- Дубова* 1991 – *Дубова Н.А.* Биологические аспекты этнической экологии // *Этническая экология: теория и практика* / Редколлегия: Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. С. 77–99. Электронный ресурс “Этническая экология”: [<http://ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-dubova.html>].
- Дубова* 2011 – *Дубова Н.А.* Антропологические и этноэкологические исследования на рубеже тысячелетий // *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова* / Сост.: М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011. С. 298–318.
- Звиденная, Новикова* 2010 – *Звиденная О.О., Новикова Н.И.* Удэгйцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: Стратегия, 2010.
- Козлов* 1983 – *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // *СЭ*. 1983. № 1. С. 3–16. Электронный ресурс “Этническая экология”: [<http://ethnoecology.ru/index.php/ru/izbrannoe.html>].
- Козлов* 1988 – *Козлов В.И.* Этническая экология // *Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы* / Отв. ред. М.В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988. С. 92–95.
- Козлов* 1991 – *Козлов В.И.* Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // *Этническая экология: теория и практика* / Редколлегия: Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. С. 14–43.
- Козлов* 1994 – *Козлов В.И.* Этническая экология: Становление дисциплины и история проблем. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994.
- Комарова* 2002 – *Комарова Г.А.* Предтеча Чернобыля: этнокультурные аспекты экологической катастрофы на р. Теча. М.: ИЭА РАН, 2002.
- Комарова* 2005 – *Комарова Г.А.* Этнический аспект экологизации гуманитарного знания // *Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Варгановича Арутюняна* / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005. С. 120–153.
- Комарова* 2012 – *Комарова Г.А.* Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии (1960–80-е гг.). М.: ИЭА РАН, 2012.

- Комарова 1991 – Комарова О.Д. Демографические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. Редколлегия: Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. С. 44–76.
- Крупник 1977 – Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИЭ АН СССР, 1977.
- Крупник 1989 – Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
- Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: изд. АН АрмССР, 1983.
- Ларина 2007 – Ларина Е.И. Этническая экология // Этнология на историческом факультете (программы курсов). Ред.: О.Е. Казьмина, В.В. Пименов, Т.Д. Соловей. М.: Исторический ф-т Московского университета, 2007. С. 180–186.
- Лебедева 1991 – Лебедева Н.М. Психологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика / Редколлегия: Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. С. 100–124.
- Левин 1947 – Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1947. Т. 2. С. 84–86.
- Левин, Чебоксаров 1955 – Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // СЭ. 1955. № 4. С. 3–7.
- Маркарян 1983 – Маркарян Э.С. К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей подсистемы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: изд. АН АрмССР, 1983. С. 17–40.
- Масанов 1995 – Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов: Основы жизнедеятельности nomадного общества. Алматы: Социнвест, 1995.
- Методы этноэкологической 1999 – Методы этноэкологической экспертизы / Отв. ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Мкртумян 1978 – Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.
- Мягков 2001 – Мягков С.М. Социальная экология: этнокультурные основы устойчивого развития. М.: НИИПИ экологии города, 2001.
- Прохоров 1998 – Прохоров Б.Б. Прикладная антропоэкология. М.: МНЭПУ, 1998.
- Прохоров 2008 – Прохоров Б.Б. Социальная экология. М.: Академия, 2008.
- Рагулина 2010 – Рагулина М.В. Интегральная парадигма в этноэкологических исследованиях // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2010. № 7–9. С. 14–25.
- Райх 1984 – Райх Е.Л. Моделирование в медицинской географии. М.: Наука, 1984.
- Реймерс 1994 – Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал “Россия молодая”, 1994.
- Русские старожилы 1995 – Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы / Отв. ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Степанов 1999 – Степанов В.В. Глава II. Теория этноэкологической экспертизы // Методы этноэкологической экспертизы / Отв. ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 61–127.
- Тишков 1988 – В.А. Тишков В.А. Введение. Этническая экология коренного населения Америки: эволюция предмета и научных подходов // Экология американских индейцев и эскимосов. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука. С. 3–12.
- Толстов 1932 – Толстов С.П. Очерки первоначального ислама // СЭ. 1932. № 2. С. 24–82.
- Туровский 2001 – Туровский Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география. Ред.: Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001. С. 10–94.
- Чеснов 1976 – Чеснов Я.В. О теории “культурных областей” в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1976. С. 68–95.

- Этническая экология 1991 – Этническая экология: теория и практика. Редколлегия: Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991.
- Этноэкология 2010 – Этноэкология: программа / Сост.: А.Б. Багдасарова, Л.Н. Соловьева. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010.
- Ямсков 2006а – Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Антропологическая наука в высшей школе: Методические материалы к оригинальным авторским спецкурсам для специальности № 350100 – Социальная антропология / Сост. Ю.А. Артемова. Отв. ред. О.Ю. Артемова. М.: ИЭА РАН – РГГУ, 2006. С. 111–144. Электронный ресурс “Этническая экология”: [<http://ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html>].
- Ямсков 2006б – Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии / Отв. ред. С.В. Чешко. М.: изд. “Оргсервис-2000”, 2006. С. 10–62. Электронный ресурс “Этническая экология”: [<http://ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html>].
- Ямсков 2009а – Ямсков А.Н. Трактовки понятия “жизнеобеспечение” в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Т. 1. Сб. этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. Ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009. С. 73–94. Электронный ресурс “Этническая экология”: [<http://ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html>].
- Ямсков 2009б – Ямсков А.Н. Этноэкология: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 34. Ред.: Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. Сост. Н.А. Дубова. М.: Наука, 2009. С. 130–142. Электронный ресурс “Этническая экология”: [<http://ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html>].
- Ямсков 2011 – Ямсков А.Н. История развития и основные направления эколого-антропологических исследований в науке США // Гуманитарная экология и мир человека: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Киров, 27–29 октября 2011 г. Киров: Коннектика, 2011. С. 39–51. Электронный ресурс “Этническая экология”: [<http://ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html>].
- Ямсков, Дубова 2012 – Ямсков А.Н., Дубова Н.А. Научно-информационный сайт “Этническая экология”: структура и задачи // Этногр. обозрение Online. 2012. № 3. С. 193–195.
- Netting 1986 – Netting R. Cultural Ecology. 2nd ed. Prospect Heights (IL): Waveland Press, 1986.
- Steward 1955 – Steward J. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955.

A.N. Yamskov. A History of Establishment and Development of Domestic Ethnic Ecology

Keywords: ethnic ecology (cultural ecology), cultural adaptation, human ecosystem, economic and cultural type, history of ethnology, history of ecology

The article discusses the history of development of ethnic ecology in Russia/USSR after 1983, which has been mainly carried out by the staff of the Institute of Ethnography, Academy of Sciences of the USSR (presently, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences). Three stages of the development are marked out and briefly expounded upon. A concise survey of the emergence and subject matter of those fields of knowledge that laid in the foundation of ethnic ecology is provided: studies of economic and cultural types, anthropogeocenoses and ethnic ecosystems, adaptive functions and composition of culture, population longevity as an indicator of successful adaptation. The author offers his view of possible goals and basic notions of ethnic ecology as well as its place within the system of sciences.